

DOI 10.36074/logos-01.10.2021.v1.33

УСТОЙЧИВОСТЬ И РАЗВИТИЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Шедяков Владимир Евгеньевич

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент,
независимый исследователь

УКРАИНА

Образ жизни и идеалы обоюдообусловлены. При этом с одной стороны, хаос и кризис расширяют коридор возможностей, сужающийся при выработке обновлённого порядка. С другой, – ценностный раскол – одна из фундаментальных линий общественных противостояний, обостряющаяся во время форсированного перехода. Те или иные ценностно-смысловые комплексы есть у каждого, хоть отнюдь не всякие ценностно-смысловые комплексы – надёжная основа стойкого мировоззрения и твёрдых убеждений, не все способствуют несению высоких идеалов. В момент перелома их размежевание превращается в элемент и катализатор всех остальных конфликтов, подчас – обостряя противоречия интересов до антагонизмов между их противостоящими носителями. Между тем, усилий только государства, да и отдельных акций государственно-частного партнёрства недостаточно для обеспечения конечного созидательного вектора трансформаций.

Конфликтность дополнительно стимулируется переходным состоянием, когда, словами Л.Н. Толстого, «всё ... перевернулось и только укладывается». Разумеется, переходный период «испытывает на излом» каждое общество. Но – соответственно условиям, возможностям и претензиям, преимуществам и недостаткам культурно-цивилизационного мира, гармонии или диссонансу его устремлений логике изменений везде складывается своё сочетание общих закономерностей и конкретных особенностей. Разное качество переходности, присущее, в частности, глобальным процессам, постсоветскому пространству и отдельным его странам, особенно противопоставляет носителей разных базовых ценностно-смысловых комплексов.. Переходный период развития провоцирует аномию как угрожающее общественной безопасности состояние, где отсутствуют или неустойчивы социальные и нравственные (ценностно-смысловые) императивы. Циклическая же сукцессия часто имеет отличительную черту — в недрах сообщества зреют предпосылки для отката сообщества к более примитивному типу, антиинтеллектуализму и общей деградации. Общеизвестно: при обращении развития вспять последние становятся первыми. Соответственно, чем глубже и обширнее деградация, тем увереннее и системнее подполье занимает верхние этажи государственного управления. Меняется соотношение необходимых для успеха гипериндустриализации трансформаций на технико-технологическом, социально-экономическом и нравственно-духовном уровнях, трансформируясь в расхождение идеал «нового человека» и складывающихся реалий. Вместе с тем, на фоне повышения сложности деятельности заметным стали искажения трудового поведения, связанные и с образом жизни, и с направленностью гражданской активности. Начинающие работники часто характеризуются

необоснованной амбициозностью и поверхностностью знаний, завышенной самооценкой и нежеланием думать, нарциссизмом и ориентацией на быстрый результат, неприятием долгосрочных целей, несоблюдением трудовой этики [1]. При этом, как правило, они, во-первых, существенно проигрывают в уровне профессионализма более трудолюбивым конкурентам (в частности, из старших поколений), во-вторых, – готовы обслуживать своей деятельностью наиболее доходные предложения, следовательно, и мигрировать, и работать на внешний заказ.

Инфантильность и неразборчивость поведения также проявляется как в безответственном отношении к учёбе, так и в поисках «лёгких форм» времяпрепровождения; «опасность прекаризации сферы труда и занятости ярко иллюстрируется массовым оттоком молодёжи в группировки деструктивного характера и организации экстремистской направленности, служащие социальной базой не только для ультра-националистических движений во многих странах, но и для структур международного терроризма» [2, с. 26].

Устойчивость безопасности и развития требует повышения уровня знаний о перспективных тенденциях трансформаций и диапазоне возможных ответов на вызовы исторического масштаба [3-5]. Причём скорость изменений нарастает, попытки реагировать на очевидное обрекают на отставание и утрату исторической инициативы. И если условия Высокого Модерна «растворяли» человека в общей судьбе, то постмодерн оставляет гораздо больший диапазон для личного выбора. Более того: с одной стороны, степень закономерности явления, как правило, противоположна его одухотворённости, с другой же, – суть переживаемых трансформаций связана и с переходом к приоритету духовно-ментальных начал жизнедеятельности. Факты, свидетельствующие о появлении и усилении новых процессов, зачастую, скрыты под спудом доминирующих пока характеристик прошлого, но без их должной оценки невозможно строить политику «на опережение». Ныне вхождение народов в постсовременные модели развития (прежде всего, включая постмодерн культуры и постиндустриальный строй общества) осуществляется в глобальном масштабе. С одной стороны, это означает формирование и акцентирование соответствующих начал социально-экономической жизни вне зависимости от субъективных желаний и осознания происходящего. С другой же, – понимание существа процессов и границ эффективного влияния на них позволяет превращаться в коллективного субъекта стратегических преобразований.

Именно в момент сдвигов парадигмального уровня, при приближении к состоянию институциональной неопределённости, приходится не столько руководствоваться привычными регуляторными правилами, сколько гибко ориентироваться, с одной стороны, на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира (которые, реализуясь в формах традиций, обычаев, укладов и обеспечивают воспроизводство и развитие общества как целостности), с другой же, – на общую логику исторического процесса и конкретные особенности: свои, своего положения и своих целей. В частности, настройка регулятивного механизма в подобной ситуации предполагает повышения внимания при осуществлении организационно-управленческих отношений к сформированным социокультурным традициям, развитию вокруг них и на их основе культурно-цивилизационных миров. Успешными становятся в первую очередь те культурно-цивилизационные миры, которые в состоянии

не только заинтересовать, увлечь своими смыслами, но и структурировать своё социальное пространство, применяя при этом и классические и инновационные ресурсы, интегрируя базисные для себя формы ценностного сознания с логикой исторических изменений и особенностями ценностной ситуации [6; 7]. Культивирование Сверхпроекта, кластеров развития, благотворного для желанных перемен социального климата – важные факторы использования уникальных возможностей переходного периода, укрепляемые единством сознательного целеполагания с объективной логикой мегатрендов социально-экономической динамики.

Если происходящее в период форсированных трансформаций значимо влияет и на интригу последующих событий, и на складывающуюся «орбиту» дальнейшего развития, то существенное воздействие на сам переход оказывает адекватность эпохе преобразований культурно-цивилизационного мира, прежде всего, на технико-технологическом, социально-экономическом и нравственно-духовном уровнях. Причём оптимизация их впитывает социокультурную динамику, соединяет традиции и инновации общества. Вместе с тем, экспансионизм как суть либерального интернационализма давно выхолостил лозунг «невидимой руки рынка» в пользу эгоцентрического навязывания своих желаний, а активное вмешательство империалистических государств в жизнь общества при эпидемии коронавируса и подавно продемонстрировало несостоятельность абстракций чистого рынка и свободной конкуренции. Именно в момент сдвигов парадигмального уровня, при приближении к состоянию институциональной неопределённости, приходится не столько руководствоваться привычными регуляторными правилами, сколько гибко ориентироваться, с одной стороны, на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира (которые, реализуясь в формах традиций, обычаев, укладов и обеспечивают воспроизводство и развитие общества как целостности), с другой же, – на общую логику исторического процесса и конкретные особенности: свои, своего положения и своих целей. В частности, настройка регулятивного механизма в подобной ситуации предполагает повышения внимания при осуществлении организационно-управленческих отношений к сформированным социокультурным традициям, развитию вокруг них и на их основе.

Успешное формирование образа будущего, включающее прочные социальные стандарты, серьёзные социальные гарантии, возрождение базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров, повышение ответственности и государства и государственных топ-менеджеров, расширение государственного сектора и государственного регулирования, создаёт элементы концепции социума, государства и экономики общего блага, увеличивая социально-экономический инструментарий справедливости. Успешными становятся в первую очередь те культурно-цивилизационные миры, которые в состоянии не только заинтересовать, увлечь своими смыслами, но и структурировать своё социальное пространство, применяя при этом и классические и инновационные ресурсы, интегрируя базисные для себя формы ценностного сознания с логикой исторических изменений. Культивирование Сверхпроекта, кластеров развития, благотворного для желанных перемен социального климата – важные факторы использования уникальных возможностей переходного периода, укрепляемые единством сознательного целеполагания с объективными трендами социально-экономической динамики. Сверхпроект – форма не только структурирования

безопасности и развития экономики и общества, но и интеграции (в частности, гармонии интересов), порождающей чувство сопричастности с историческими свершениями народа. И если миссия и ответственность элиты – в отражении национальных интересов и воли народа, то в зоне ответственности самого народа – несение своих представлений о справедливом, нравственном, нормативном, путём чего и становится творчество как восхождение к лучшему (Истине, Добру и Красоте). Соответственно, страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах продуктивного вектора гражданского согласия и соборности общественного устройства.

Список использованных источников:

- [1] Зоркая, Н. (2008). Современная молодёжь: к проблеме «дефектной социализации». *Вестник общественного мнения*, (4 / 96), 15–20.
- [2] Горнов, В. А. Прекаризация сферы труда и занятости молодёжи в фокусе социологии управления. *Innovative potential of socio-economic systems: the challenges of the global world: Proceed. of Intern. Scient.-Pract. Conf.* (pp. 24–26). June 30, 2016. Lisbon: Baltija Publishing. (II).
- [3] Желтов, В. В., Желтов, М. В., Бирюков, С. В., Барсуков, А. М. (2019). Социально-политический контекст движения «жёлтых жилетов» во Франции. *Этносоциум и межнациональная культура*, 50–67.
- [4] Шедяков, В. Е. (2020). Качество социализации / индивидуализации как фактор общественной адаптации к переменам межпарадигмального уровня. *Регіональні студії*, (23), 71–76. DOI <https://doi.org/10.32782/2663-6170/2020.23.13>
- [5] Шедяков, В. Е. Взаимная ответственность государства и населения: акценты периода посткоронавирусного восстановления. *The modern trends in the development of business social responsibility: Proceed. of V Intern. Scient. Conf.* (pp. 28–31). June 25-26, 2021. Lisbon: Baltija Publishing. DOI <https://doi.org/10.30525/978-9934-26-107-7-7>
- [6] Featherstone, R., Deflem, M. (2003). Anomie and Strain: Context and Consequences of Merton's Two Theories. *Inquiry*, (73 / 4), 471–489.
- [7] Кара-Мурза, С. Г. (2013). Аномия в России: причины и проявления. Москва: Научный эксперт.